

Valentyna Snicar – filologijos mokslų daktarė, Kijevo (Ukraina) nacionalinio lingvistikos universiteto Anglų filologijos ir vertimo katedros docentė.

Moksliniai interesai: lyginamoji kalbotyra, teisinė lingvistika, profesinio diskurso tyrimai, specializuoti vertimai.

El. paštas: v_snitsar@mail.ru.

Valentyna Snitsar: PhD (Candidate of Philology), Associate Professor of the Department of English Philology and Translation, Kyiv National Linguistic University (Ukraine).

Research interests: comparative linguistics, legal linguistics, LSP / professional discourse studies, specialized translation.

E-mail: v_snitsar@mail.ru.

Валентина Сницар

Киевский национальный лингвистический университет

КОНЦЕПТ *LAW* / *ЗАКОН* В АНГЛИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Anotacija

Straipsnyje lyginami dviejų kalbų (ukrainiečių ir anglų) lingvistiniai, kultūriniai, etniniai segmentai, istoriškai turėję įtakos šiuolaikinės ukrainiečių ir anglų juridinės leksikos susiformavimui. Verbalinė koncepto TEISĖ (ІСТАТΥМАС) raiška analizuojama diachroniškai; išskiriami ir parodomi raiškos bendrumai bei skirtumai.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: konceptas, diachronija, archetipas, paprotinė teisė, folkloras, lingvokultūra.

Abstract

The article focuses on the study of the concept *LAW* / *ЗАКОН* in the English and Ukrainian linguacultures. The verbal representation of the concept *LAW* / *ЗАКОН* has been analyzed from a diachronic perspective. The system of semantic changes affecting the emergence of modern English and Ukrainian legal terminology has been reconstructed. The basic archetypes of the Anglo-Saxon and Ukrainian legal cultures have been detected. The comparative analysis of paremiological representation of the concept *LAW* / *ЗАКОН* in the English and Ukrainian languages has been conducted. The universal and national specific conceptions of the Anglo-Saxon and Ukrainian ethnoses of the phenomenon of law have been revealed. The influence of folklore on the development of legal thinking of the Anglo-Saxons and Ukrainians has been described.

KEY WORDS: concept, diachrony, archetype, legal culture, paremiological representation, folklore, Anglo-Saxon and Ukrainian linguacultures.

doi: <http://dx.doi.org/10.15181/rh.v21i0.1527>

Современный подход к исследованию культурно-языковой специфики связан с концепцией языковой личности. Связь языка, мышления и культуры непосредственно отражает процесс познания действительности и формирования представлений о ней в социальном опыте того или иного поколения социокультурного образования. Исследование конкретной языковой культуры происходит через толкование понятий, которые составляют ее ядро и отражают способ восприятия и осмысления мира. Этнокультурная специфика менталитета того или иного народа имеет различные формы проявления, единицей лингвокультурного описания является культурный концепт (Алефиренко 2010, Воркачев 2003, Воробьев 1997, Гумбольдт 2000, Лихачев 1997, Маслова 2001, Степанов 1997, Wierzbicka 1992). Совокупность концептов культуры реализует концептуальную картину мира, которая представляет собой глобальный инвариантный образ мира, лежащий в основе мировидения носителей той или иной культуры.

Вся сложная и многогранная система духовных ценностей, образ мышления, процесс порождения мысли, мировоззрение, поведение находят свое отражение в языке. Именно язык определяет способ членения мира в той или иной культуре, способ его описания, интерпретации. С помощью языка человек описывает категории права, интерпретирует закон. Правовая картина мира является одним из профессиональных образов мира и может служить ориентировочной основой для эффективной деятельности человека в этом мире. Важнейшая функция права – регулирование взаимоотношений и поведения людей в обществе, но юридические нормы не могут существовать иначе, как в определенных языковых формах, поэтому язык и право находятся в тесном взаимодействии.

Специфика правовых концептов в социокультурном измерении вызывает интерес многих исследователей: К. Д. Данилова (Данилов 2004), Ю. Г. Евтушок (Евтушок 2004), А. А. Контримович (Контримович 2004), И. В. Палашевской (Палашевская 2001), О. М. Смирновой (Смирнова 2009), С. М. Толстой (Толстая 2000) и др. Упомянутые научные исследования направлены на описание когнитивных

механизмов взаимодействия этих концептов на уровне языковой и внеязыковой репрезентации, определение их релевантных признаков, взаимосвязи с другими концептами и выявление национальной специфики правовых феноменов.

Лексика права являлась объектом исследований, посвященных реконструкции архаических представлений и текстов (Иванов, Топоров 1978, Чмир 2005), системно-историческому исследованию древнеанглийской правовой лексики (Авакова 2006), диахроническому описанию лингвосемиотической динамики становления правовой сферы англосаксонского социума (Янушкевич 2009). Правовая лексика старославянского и древнерусского языков изучалась в аспекте репрезентации средневековой языковой картины мира (Вендина 2002, Межжерина 2006), а правовые архетипы анализировались в контексте символической культурологии (Бачинин 1999).

Концепт *LAW / ЗАКОН* является ключевым концептом правовой картины мира, а также концептом-регулятивом, то есть в концентрированном виде содержит оценочный кодекс той или иной лингвокультуры, представляя собой ее аксиологический базис. Концепт *LAW / ЗАКОН* является универсальным, поскольку существует в сознании представителей любой лингвокультуры, однако в национальных концептосферах он приобретает специфические национально-релевантные признаки, обусловленные приоритетностью определённых аспектов восприятия данного фрагмента окружающей действительности для соответствующей лингвокультурной общности и особенностями их интерпретации.

Актуальность исследования обусловлена общей направленностью современных сопоставительных лингвистических исследований на определение универсального и этноспецифического в национально-языковых картинах мира и, в частности, на раскрытие содержания концепта *LAW / ЗАКОН* в наивно-языковом сознании представителей английской и украинской лингвокультур.

Объектом изучения является концепт *LAW / ЗАКОН*, актуализированный в английском и украинском языках; в качестве предмета исследования рассматриваются репрезентации этого концепта в английском и украинском языках.

Цель представленной работы заключается в сопоставительном межъязыковом моделировании концепта *LAW / ЗАКОН* в наивно-языковом сознании представителей английской и украинской лингвокультуры. Задачи: – реконструировать особенности диахронического содержания концепта *LAW / ЗАКОН*; – исследовать архетипы англосаксонской и украинской правовых культур в контексте смыслового наполнения концепта *LAW / ЗАКОН*; – выявить универсальные и этноспецифические представления англосаксонского и украинского этносов о законе и соотносимых с ним понятий, репрезентируемых в паремиях.

Представление о законе как о норме или правиле, а также его взаимосвязь с властью определяющие императивный характер закона, формируют универсальную константную понятийную модель. Во всех европейских культурах понятию *закон* противостоит понятие *беззаконие* как позитивное и негативное. Мифологическому сознанию свойственны такие оценочные оппозиции, как “добро – зло”, “природный космос”, который противопоставлялся как “мир порядка” – “хаосу”, “миру беспорядка”. Основные механизмы жизни можно описать в контексте борьбы хаоса (деструктивного начала) и космоса (конструктивного начала). В юридической сфере это выражается в столкновении нормы (закона) и антинормы (беззаконие) (Арутюнова 2003, 7).

Особенности смыслового содержания исследуемого концепта в английской и украинской лингвокультурах отражают специфику действующих в них правовых систем. Особенности правовой культуры Англии и Украины обусловлены разными источниками права этих стран. Система права Англии – составляющая англосаксонской правовой семьи, основным источником которой служит норма, сформулированная судьями и выраженная в судебных прецедентах, то есть в судебных решениях по конкретному делу, приобретающим затем общеобязательную силу. Кроме того, источником права является и статутное (законодательное) право парламентского происхождения. Значительна роль также обычаев, правовых доктрин, правовых традиций, “разума” (“разумное решение спора”), когда по какому-либо вопросу “нет ни прецедента, ни законодательной нормы, ни обязательного обычая”, “интегрированных” принципов и норм междуна-

родного и зарубежного (национального) права. Основными идеями англосаксонского права являются презумпция невиновности, принцип верховенства права, состязательное судопроизводство, суд присяжных и т.д. (Бычкова 2003, 11).

Несмотря на существование многочисленных взглядов ученых на место Украины среди других правовых семей, ключевым при типологизации правовых семей остается аргумент о влиянии римского права на процесс становления и развития национальной правовой системы. Источниками права в Украине являются нормативно-правовые акты (законы, подзаконные акты), нормативно-правовые договора, а концептуальной основой всего национального законодательства – Конституция Украины и Уголовный Кодекс Украины – систематизированный законодательный акт (Кримінальне право України 2005).

Научные понятия преимущественно универсальны в различных лингвокультурах в отличие от концептов в обыденном языковом сознании, но их вербализаторы, в частности в правовой сфере, имеют специфические семантические признаки, что обусловлено типологическим различием англосаксонской и украинской правовых систем, историко-эволюционными и социокультурными факторами. Поскольку вербализаторы национальных правовых концептов отражают их культурное содержание, юридический дискурс в силу ориентации на разные слои общества формирует своеобразную лингво-правовую культуру.

Концепт *LAW* / *ЗАКОН* является базовым в правовой картине мира. Его смыслы декодируются в дефинициях ключевой лексемы-репрезентанта концепта. Так, в “Англо-русском словаре” В. К. Мюллера лексема *law* имеет следующие значения: 1) закон; 2) право; юриспруденция; 3) профессия юриста; 4) суд; судебный процесс; 5) судейское сословие; 6) правило; 7) преимущество, предоставляемое противнику (Мюллер 1992, 67).

На основе дефиниций в Оксфордском словаре признаками закона являются следующие: 1) система правил; 2) индивидуальное правило, норма; 3) право (наука и учебная дисциплина) (OED).

В академическом толковом “Словаре украинского языка” *закон* – это: 1. Встановлене найвищим органом державної влади загальнообов’язкове правило, яке має найвищу юридичну силу (...) //

тільки одн., без додатка. Сукупність таких загальнообов'язкових правил та державних постанов, що визначають суспільні відносини людей; втілення найвищої влади в суспільстві (...); // *у знач. присуд., перен.* Те, що сприймається як незаперечне розпорядження, веління, обов'язкове для неухильного виконання (...); 2. *кого, чого, чий і без додатка.* Загальноприйняте усталене правило співжиття, норма поведінки (...); // *звичай, обряд (...)*; 3. *чого, перен., мн.* Основні правила в якій-небудь ділянці людської діяльності, що впливають із самої суті справи (...); 4. *чого і без додатка.* Об'єктивно існуючий, постійний і необхідний взаємозв'язок між предметами, явищами або процесами, що впливає з їх внутрішньої природи, сутності; закономірність (у 2 знач.) (...); // *основне положення якої-небудь науки, що відбиває причинно-наслідковий зв'язок між явищами, характеризує перебіг названих процесів у природі або суспільстві (...)*; // *що-небудь неминуче, незаперечне, що є виявом певної закономірності (...)*; 5. Сукупність догм (основних положень) якої-небудь релігії, віровчення (...); *закон божий* – у дореволюційній школі – спеціальна дисципліна, що вивчала основи православного віровчення (СУМ, 3, 154).

На основі аналізу словарних дефініцій ключового слова-репрезентанта концепта *LAW* / *ЗАКОН* можна виділити такі основні його смисли: 'обычай', 'обряд', 'правило', 'право', 'постановление', 'веле-ние', 'распоряжение', 'власть', 'сила', 'запрет', 'государство', 'общество', 'норма', 'причина', 'следствие', 'совокупность', 'связь', 'деятельность', 'сущность', 'всеобщность', 'общепринятость', 'отношения', 'гражданин', 'человек', 'сосуществование', 'поведение', 'обязывание', 'неопровержи-мый', 'закономерный', 'установленный', 'объективный', 'необходимый', 'существующий', 'основной'.

Наличие в смысловом потенциале концепта *LAW* / *ЗАКОН* таких признаков, как 'запрет', 'право' и 'обязывание', позволяет говорить о понимании закона как руководящего начала, нормы поведения и принадлежности данного концепта как к правовому, так и к наивно-языковому сознанию представителей английской и украинской лингвокультур.

Правовая мысль длительное время вызревала в лоне нерасчлененного, синкретичного мифолого-религиозного сознания. Мифология представляет собой исторически первый тип мировоззрения, явля-

ясь архаической формой отображения “правовой природы вещей”. В примитивном обществе мифология выполняет функции объяснения и легитимизации социальных норм. Именно мифология дает первые сакрально окрашенные представления о “порядке”, “законе”, “справедливости”, “правде”, “запрете”, “мести” и т.д. В мифах предпринималась попытка объяснить установленные порядки и выразилось первое отношение человека к правовым явлениям. На этом этапе мифологическое сознание наделило божественным, сверхъестественным началом такие понятия, как запрет (табу), закон (как форма выражения запрета), установленный порядок (государство). Именно в мифологических сюжетах получила фиксацию идея о божественном (сверхъестественном) первоисточнике правил человеческого поведения, а также о зависимости и прямой обусловленности норм человеческого общения (дозволений, запретов) более широкими (все-ленскими, космическими) первоначальными порядками (Нерсесянц 1983, 56).

В культурном сознании древних греков бытовало несколько в различной степени концептуализированных, связанных между собой, близких к понятию “закон” смыслообразований, которые получили разное языковое оформление. Это и закон божественного правосудия *themis*, и *logos* – всеобщий закон, основа мира, его порядок и гармония, и *nomos* – установление, закон, и *politeia* – общественный порядок, строй, управление государством (Левчук-Хмара 2012, 93). Анализ древнегреческого ценностно-правового сознания демонстрирует генетическое укоренение норм права, идеологических норм, норм морали и моральности в архетипической сфере мифолого-религиозных смыслов.

Мифологическая сфера закономерности и порядка – Космос – осознавался древними греками как материальное, организованное и в то же время одухотворенное, живое целое, образовавшееся из стихии неорганизованного Хаоса. Космос, или Вселенная, представлялись как гармоничное, симметричное, ритмически устроенное целое. Также Космос служит обозначением и самого закона, управляющего космосом, универсальной формы организации разных уровней космоса и определенного состояния, характеризующего его. Космос подчинен действию общего закона меры, справедливости, выравнива-

ющего нарушения космической структуры. Этот закон равно определяет и сам Космос, и его крайнее звено – человека, то есть выступает как принцип, лежащей в основе мифологической “физики Космоса” (Манойло 2008, 11).

Мифологическое сознание не содержит абстрактного, отвлеченного свода норм, как правосознание, не имеет рационально выстроенной системы этих норм. Оно оперирует конкретными символами, образами и ситуациями, которые предстают как архетипические. Представления о добре и зле, хорошем и плохом, справедливом и несправедливом, правде и неправде исторически являются первичными психическими структурами (архетипами), образующими фундамент правовой ментальности. По мнению М. Г. Тюрина, архетипом национальной правовой культуры, или правовым архетипом, является воспроизводимый из поколения в поколение первичный правовой образ, возникающий под влиянием культов, верований, мифологии и религиозных ценностей, обуславливающий понимание правовых норм, юридически значимых поступков и отношений, задающий типизированный шаблон социально-правового взаимодействия (Тюрин 2008, 8).

Основной характеристикой космоса, который противопоставляется хаосу, есть его упорядоченность. Порядок в архаическом сознании – основа мироздания. Как отмечает Э. Бенвенист, “исходным представлением правового, а также религиозного и нравственного сознания индоевропейцев является понятие “порядок”, которому подчинены как устройства мира, движение светил, смена времен года и течение лет, так и отношения между богами и людьми, и, наконец, сами человеческие отношения. Таким образом, порядок – это религиозная и нравственная основа всего общества, без этого принципа все возвратилось бы к хаосу” (СИСТ, 299).

Начиная с общеиндоевропейского состояния, появляется понятие, охватывающее под различными лексическими вариантами религиозные, юридические, технические аспекты “порядка”. В ведическом санскрите встречается слово *dharma*, подразумевающее ‘закон’, но непосредственно значащее ‘поддержание, положение’ (от *dhar-* “держат”) и в соответствующих случаях – ‘обычай, правило, навик’. Индо-иранскому *dhar* “твёрдо держать” соответствует лат. *firmus* с фор-

мантом -m- по типу *dharman*. ‘Закон’ здесь ‘то, что держит твердо, что установлено прочно’ (СИСТ, 300).

Другую ассоциацию отражает скр. *dhāman*, означающее ‘закон’, а также ‘сидение’, ‘местонахождение’, образованное от *dhā-* “класть”, восходящее к индоевропейскому **dhē* ‘устанавливать творчески’, ‘вводить в бытие’, а не просто “класть нечто на землю” (OnEtDic). Таким образом, изначально закон был основанием, объектом созидания, обретающим тем самым бытие. От **dhē* образовано др.-англ. *dom* “закон, приговор, осуждение”. Англосаксонские королевские законы (*domas*) являются наиболее ранними правовыми памятниками, составленными на германском языке (в отличие от континентальных памятников, записанных на латыни) и отражающие аутентичные правовые категории соответствующей эпохи (Pollock 1996, 216).

Аналогом индоевропейского корня **dhē* “класть”, “устанавливать” является протогерманский корень **lagam* “put, lay” (класть), от которого образовалось слово *law* (OnEtDic). В течение некоторого периода времени в древнеанглийском языке сосуществовали исконное германское слово *Æ* и восточно-скандинавское *lagu*. *Æ* происходит от общегерманского *e:wa* “правила поведения в тогдашнем обществе”, кроме того, зафиксировано еще одно значение “законный брак”. После начала контактов со скандинавами оно начало означать ‘закон вообще’ и, в частности, ‘законы божеские’, в то время как *lagu* в большинстве текстов имеет значение, аналогичное современному слову *law* ‘законы человеческие’, последнее от него и происходит путем изменения гласных и под воздействием латинского корня *leg-* (от существительного *lex*). В источниках X века можно встретить употребление этих двух номинаций в одном контексте: “God him sette æ ðæt we oren **lagu**” – “God gave them a statute that is a plain law” (ASD).

К XI в. форма *Æ* исчезает полностью, и во всех текстах используется форма *lagu*, независимо от контекста. От него существует производное сложное слово *lahslit* (вар. *lahsliht* – *sliht* – ‘удар’ и ‘убийство’), которое означает “нарушение закона” и “штраф, выплачиваемый за совершенное преступление” (редуцированное *lagu* превращается в *lah*). Такой единицы в древнескандинавском не зафиксировано, но из древнеанглийских текстов можно понять, что этим словом обозначалась именно компенсация преступления в области, где действовали

датские законы. Например, в Законах Кнута, написанных Вульфстаном II на латыни, встречаем выражение: *forisfacture quam Dani uocant lahslit*, то есть “преступление, которое даны называют *lahslit*”. В том же случае, если компенсацию платит англичанин, она называется *gyld* (*wergild*) или *wite*: “*Gylde lahslitte inne on Deone lage and wite mid Englum* – Штраф, который называется у данов *lahslitte*, и *wite* у англичан”. Вообще же в течение длительного времени не существовало единых законов для всей территории, управляемой одним королем. При смене власти законы также часто менялись. Обращает на себя внимание и тот факт, что практически каждый сколько-либо правивший король занимался законотворчеством (Попова 2012, 129–130).

В VI–VIII вв. в сводах законов еще не существовало языковых знаков, номинирующих субъекты правоустановления (*следователь, суд, обвинитель* и т.д.); более четко эти субъекты обозначены в документах IX–XI вв. Так, впервые при короле Альфреде по разные стороны разведены истцы и ответчики (*gelzeca* (rival); *widerwinna* (opponent, rival, enemy), а в процессе рассмотрения участвуют свидетели (*wodbora* (orator, speaker, witness)). Уже к концу VII в. законы короля Уитреда предусматривали семиотически комплексный и четко структурированный ритуал клятвопринесения: “*Let a man clear himself with four of his fellows, and he alone with his hand on the altar, let the others stand by, make the oath... and let the oath (canne) of all these be incontrovertible*” (Янушкевич 2009, 27–28). Таким образом, к концу XI в. в англосаксонском социуме сформировались четкие представления об адекватном закону поведению и о санкциях, направленных на предотвращение отклонения от общепринятых норм поведения.

У древних славян понятие *закон* имеет тесную связь с представлениями об ограниченном пространстве. Лексема *закон* восходит к псл. **kon*- “конец, начало, предел”, производному от глагола **kenti*/**kьnti* “появляться, наступать” (ЕСУМ 2, 227). Первоначально, как предполагают этимологи, оно имело значение: “то, с чего все начинается, на чем все основывается”. Совмещение двух противоположных значений в одном и том же корне (*начало* и *конец*), как считает А. Г. Преображенский, объясняется основным значением корня **ken*- “появляться, наступать”: если следует ряд предметов, то первый (крайний) и последний (тоже крайний) могут быть названы началом или концом

(Преображенский 1958, 348). Таким образом, **konь*, производным от которого является **zakonь*, обозначал границу между началом и концом. Псл. **konь* первично могло иметь значение “кол, столб, имеющий специальное назначение” (ЕСУМ 2, 227). Семантику *границы, предела* и *середины, центра*, которая наблюдается в словах, производных от **kon-*, можно соотнести с известными в разных традициях ритуалами освоения пространства, как, например, обход территории по периметру, операцию освоения центра и т.д. Границу земельного участка устанавливали на расстоянии броска от центра, аналогичным образом могли определять границы поселений после их основания. Семиотически маркированная линия, граница, установленная на определенном расстоянии от центра, отделяла организованный и упорядоченный мир от внешнего хаоса. В древнем праве изгнание являлось наказанием за тяжелое преступление, которое влекло за собой потерю социального статуса, лишение виновного средств к существованию. Таким образом, между *законом* и *порядком* существует опосредованная связь: в архаическом сознании пространство воспринималось как мир “своих”, в котором торжествуют закон и порядок, а все, что происходило за его пределами, являлось неупорядоченным и представляло угрозу. Выход за установленную границу – нарушение порядка. Лексическим воплощением таких представлений является слово русского языка *преступление* и архаизм украинского языка *переступ* (Чмир 2005, 46).

В “Русской Правде”, сборнике правовых норм Киевской Руси, можно встретить нормы о защите прав землевладельцев и землепользователей об установлении и охране границ земельных участков. За нарушение границы земельного участка налагался штраф в размере 12 гривен: “*А же межю переореть либо еретесь, то за обиду 12 гривен*” (Руська Правда). Таким образом, в коллективном бессознательном древних славян зафиксирован образ границы (предела) как архетипического признака законотворчества.

Важной составляющей представлений о возобновлении порядка является архетип *меры*. На ранних этапах развития человечества в архаических обществах как регулятивное средство использовалась универсальная формула эквивалентного возмездия (закон талиона – “око за око, зуб за зуб”), согласно которой степень наказания преступника

должна соответствовать мере страдания потерпевшего. Актуальность такого понимания наказания по принципу симметрии отражена в англосаксонских правовых текстах: “... *if anyone puts out another’s eye, let him give his own for it: **tooth for tooth, hand for hand...***” (King’s Code). Аналогичная формулировка талиона отражена и в памятниках старославянской письменности: “...*аще кто вражду сътворить, Моисеи бо пророкъ и законодавецъ поручилъ, да идетъ **рука за руку, и око за око и глава за главу***” (Чмир 2005, 141).

Специфика славянской правовой традиции, по мнению В. В. Иванова и В. Н. Топорова, заключается в архаической нерасчлененности понятий *право*, *справедливость* и *закон*, имеющих божественное происхождение (Иванов 1978, 234–235). Идеи истинности воплощаются в лексеме *правда*, производной от праславянского корня **pravъ* “правый, правильный, справедливый”, который представлен разветвленной группой дериватов, выражающих идею правильности, справедливости: *право*, *справедливость*, *праведный*, *правосудие* и т.д. Р. М. Цейтлин констатировала архаичность всех слов с корнем *-прав* (*правда*, *правость*, *правота*, *правило*, *оправдание*, *оуправление* и т.д.) и их широкое употребление в древнеславянских текстах, указывая на важное смысловое значение группы слов, связанных с направлением – прямоотой, отсутствием извилин, кривизны. Ученая выделила всего 43 слова этой лексико-семантической группы, все из которых имели позитивное значение и были аналогами понятия “справедливость” (Цейтлин 1978, 61).

Правда как архетипическая форма имеет глубинное символическое значение. Известно, что одним из первых символов права, с исторической точки зрения, были весы, которые отражали идеи меры, добра и зла. Во время суда боги-судьи клали на правую чашу весов истину в виде, например, птичьего перышка, и того, что должно быть “взвешено” (например, сердце человека), помещаемого на левую чашу. Объяснение исследователей мифологии, почему именно правая чаша весов была “хорошей”, а левая – “плохой”, в основном сводилось к космогоническим представлениям древних о небе – обители богов и подземном мире – царстве мертвых и чудовищ. Если перевешивала левая чаша, то правая чаша и коромысло весов поднимались к небу, а левая, напротив, опускалась вниз. Следовательно, символу ве-

сов соответствовал эмоционально насыщенный образ: “правый” – это небо, “левый” – это преисподняя (Евсюков 1988, 110). Образ весов в имплицитном виде используется и в современном уголовном праве (например, “мера наказания”).

В древнегерманских обозначениях *правды* семантические компоненты ‘правильный’, ‘истинный’, ‘правдивый’; ‘договор’ указывают на неразрывную связь этого понятия, с одной стороны, с юридической сферой: др.-исл. *rétttr* “right, correct” (правильный, правдивый); гот. *Sunja* “истина”); др.-англ. *trēow* “truth, faith” (правда, доверие); гот. *triggwa* “treaty, covenant” (договор), а с другой – с магики-религиозной сферой (др.-исл. *trúa* “believe” (верить), д.-в.-н. *wār* “wahrhaft, wirklich, recht” (истинный, правдивый), др.-исл. *Vár* “имя богини”), истоки которой кроются в отсутствии противопоставления внешнего и внутреннего императива в поведении коллектива (т.е. в единстве права и правды) и в сакральности, унаследованной от прецедента – установлении меры при первотворении (Топорова 1995, 54).

В глубинах мифолого-религиозного сознания древних германцев формируется представление о *правде* как о чем-то крепком, незыблемом, соотносящимся с символом *Мирового дерева*, что в мифологических представлениях многих народов является своеобразным образцом космоустройства, переходом от хаоса к упорядоченному космосу: др.-англ. *trēow* “правда”, гот. *triu* “дерево” < ие **dru-* “tree” (OnEtDict).

Концепт *закон* в понимании нормативности и правил, в определенном смысле, как часть права, возник в глубокой древности. Исследование И. П. Земсковой подтверждает древность понимания концепта *закон* в архаическом сознании древнеевропейской общности и взаимосвязанность этой категории с концептом *порядок*, который противопоставлялся *хаосу*, как проявление божественности противостояло силам тьмы и бессистемности. Таким образом, в системе архаического мышления течение божественных установлений может быть только “правым” (Земскова 1999, 322).

Бинарные оппозиции, как, например, “правый–левый”, “прямой–кривой”, “хороший–плохой” являются базовыми во многих культурных традициях. Через пространственную симметрию реализуются концепты нормы, порядка, правовых и этических ценностей, а через

асимметрию – концепты нарушения порядка и антинормы. В большинстве индоевропейских языков наименование правой стороны восходит к корню *deks*, в то время как номинации левой стороны постоянно меняются не только от языка к языку, но и внутри языков (Шайкевич 1959, 56).

По мнению Я. Гримма, человеческие представления о правом / левом первоначально связаны с телом человека, потом переходят на обозначение сторон пространства и только после этого начинают приобретать культурные коннотации (Grimm 1848, 680). Замена языческой символики христианскими ценностями приводит к этимологической десемантизации, т.е. изменению значения. Так, деэтимологизировался языческий символ правой руки как агрессивной и угрожающей, а левой руки как священной под влиянием христианских представлений о правом как “праведном”.

Как отмечает С. Г. Проскурин, в конце древнеанглийского периода намечается семантический переход ‘правильный, праведный’ (др.-англ. *ryht*) > правая рука / сторона (Проскурин 1990, 40). За германскими формами: др.-англ. *riht, ryht*; др.-в.-нем. *reht* закрепляются значения ‘прямой’, ‘правильный’. Языческий символ правой руки как источника агрессии и угрозы меняется на христианские представления о *правом* как *божественном* и *праведном*. Прослеживается аналогия в изменении наименования левой руки: первоначальное *winestra* ‘защищающая’ (семантически мотивируется родство с др.-англ. существительным *wine* ‘друг’, ‘защитник’) вытесняется эпитетом *wyrsan* ‘худшая’, др.-англ. *lyft* ‘слабый’. Наблюдая древнегерманскую лингвокультурную традицию изменения значений ‘правый–левый’, С. Г. Проскурин выявляет связь значения ‘левый’ со значениями: ‘непочетный’, ‘негативный’, ‘неблагоприятный’, ‘дурной’.

Ассоциация *правого* с благоприятным исходом находит отражение в древнеанглийском заклинании пчелиного улья, где в инструкции по поводу отроившихся пчел возле дома указывается на обрядовые действия, выполняемые правой рукой и ногой: *Nim eoƷpan oferweoƷp mid pinre swidran handa under pinum swidran fet* – “Возьми землю правой рукой, брось под правую ногу”. Связь *левого* с “неблагоприятными” явлениями: неудачным исходом гадания, лжесвидетельством, кражей прослеживается во многих традициях. В заговоре против кражи на

древнеанглийском языке также рекомендуется “обратиться” к левой стороне: *Ponne pe man hwaet forstele awrit pis swigende and do on pinne winstran sco under pinnen ho ponne geacfaxt pu hit sona* – “Когда кто-то украдет что-то, напиши это в тишине и положи это в твой левый башмак под каблук, тогда ты вскоре услышишь об этом” (Проскурин 1990, 47).

Согласно представлениям древних германцев, собирательство рассматривалось как воровство у Земли. Так, например, в магических предписаниях, приводимых в англосаксонском лечебнике, рекомендуется вырывать корень и срезать листья левой рукой (Bonser 1963, 17), поэтому ассоциация левой руки с преступлением здесь закономерна.

Специфика **левого** как негативного, неблагоприятного, отображена в украинской народной песне о казаке Нечае “...повернувся козак Нечай на **лівую** руку, не вискочить Нечаїв кінь із людського трупу” (Жайворонок 2006, 337). Связь мотива защиты от врагов с действиями, которые рекомендуется выполнять правой ногой, отражена в тексте украинского заговора: “...не сам йду, чорним волом іду, сухою гадиною поганяю, **правою ногою** на поріг ступаю, своїм ворогам язик одвертаю: щоб вони губами не плямкали і зубами не клацали надо мною, рабою Божою Марією” (Москаленко 1993, 125).

Аналогичная этимологическая десемантизация в славянских языках отражена в словах, образованных на семантической основе противопоставления “**хороший–плохой**”. Как отмечает О. И. Якушкина, в моделировании картины мира ключевая роль принадлежит оппозиции **прямого / кривого**, поскольку через признаки прямизны и кривизны осмысливаются основные категории – *хороший–плохой, здоровый–больной, истинный–ошибочный, добрый–злой* и т.д. (Якушкина 2002, 163). Через оппозицию **прямое–кривое** осмысливаются основные понятия правовой нормы и антинормы. Семантическое поле правовых оценок представлено антонимами, оппозициями позитивных и негативных смыслов, выраженных корнями *-прав* и *-крив*, что убедительно подтверждается материалом сербохорватского языка: схв. *прав* “невинный, правый”; “законный”: *prava žena* “законная жена”; *правда* “закон”; *праведна* “справедливый”, *правдат* “доказывать невиновность, оправдывать” и т.д.; схв. *крив* “виновный”, *кривац* “на-

рушитель”, *кривда* “несправедливость”; *крив закон* “несправедливый закон”; *криводел* “преступник”; *кривья* “вина” (Якушкина 2002, 177).

В памятниках старославянской письменности встречается большое количество производных от корня *крив-*, которые выражают понятия неправильности, несправедливости: *кривь* “виновный”, *кривина* “несправедливость, неправильность”, *кривьда* “неправда, несправедливость”, *кривити* “обманывать, поступать несправедливо”, *кривьць* “виновник, ответчик (в суде)”. Пространственное значение было закреплено только за прилагательным *кривьи* “кривой, искривленный” (СС, 295). Практическое отсутствие пространственных значений в производных **kriv-* в старославянском и древнерусском языках может быть дополнительным аргументом в пользу глубокого архаизма семантики ненормативности, либо же это можно объяснить ограниченностью древних текстовых источников. Свидетельством употребления слов со значением искривления тела, физических недостатков человека является их распространение в современных славянских языках: например, укр. *криворукий*, *кривоногий*; болг. *кривоглед* “косоглазый”, *кривокрак* “кривоногий” (Чмир 2005, 66).

Древнейшие термины, означающие правовые понятия, относятся к обычному праву, имеющему единство юридических и фольклорных истоков. Интеллектуальная традиция конкретного этноса, будучи имплицитным предусловием юридического мышления, сконденсировано выраженного в паремиологических текстах, определяет концептуальные основания правосознания, влияя тем самым как на содержание, так и на формы бытия правовой реальности, что отражается в правопонимании, право-законотворчестве, правоприменении, толковании права. Паремиологический фрагмент языковой картины мира является составной частью наивно-языковой картины мира, которая отражает наиболее архаичные слои национального сознания, а также этапы исторического становления национального менталитета.

Паремия рассматривается как основная единица паремиологической картины мира, которая предоставляет возможность для исследования характерных для данного народа концептов, а также помогает понять менталитет народа. Паремия, вслед за Г. Л. Пермяковым (Пермяков 1988), В. М. Мокиенко (Мокиенко 2010), Л. Б. Савенковой (Савенкова 2002), В. Н. Телией (Телия 1996) и др., понимается в

данном исследовании как гипероним по отношению к пословицам и поговоркам и определяется как сентенция образного и необразного характера, выражающая ценностные суждения.

Правовая паремия определяется как устойчивое в речевом обиходе изречение назидательного характера, содержащее в себе определенные формы права и морали, правила поведения, суждения и поучения, выработанные предыдущими поколениями (Кузнецова 2004, 7). Правовые пословицы и поговорки могут быть народного или юридического происхождения, они уходят своими корнями в древние правовые обычаи, а также в положения римского и канонического (церковного) права.

Концепт *LAW / ЗАКОН* является ключевым репрезентантом концептосферы права. Закон находится в зависимости от права и порядка, поскольку именно значение “право, как совокупность норм и законов”, т.е. право в его формальном, юридическом значении является доминирующим в данном когнитивном пространстве.

Анализ паремий, репрезентирующих концепт ЗАКОН, указывает на то, что в украинской культуре существует двоякое отношение к закону. Одна группа паремий выражает **веру в справедливость законов**: *Де закони виповняють, там усі праві бувають* (ЗУПП, 51); *Закони добрі, та судді лихі* (ЗУПП, 51); *Закон – не огонь – водою не заллещ* (*закону грошима не зламаєш*) (ЗУПП, 51); *Закон для громади, що віжки для коня* (ЗУПП, 51).

Значительно большее количество паремий выражают **отрицательное отношение к закону и правосудию**, в них четко просматривается отношение народа к взяточничеству и коррупции в судебной системе: *Закон, як павутина: чміль проскочить, а муха заплутається* (ЗУПП, 51); *Закон як дшило, як повернули, так і вийшло* (ЗУПП, 51); *Де гроші говорять, там закони мовчать* (ЗУПП, 51); *Як ідеш у суд, гроші не забудь* (УПП, 30).

Исторически в украинской национальной ментальности сложилось двоякое отношение к закону: с одной стороны, были созданы правовые предпосылки, которые обеспечивали целенаправленную деятельность индивида, а с другой – реально правила не законы, а право сильного. Это способствовало утверждению индивидуалистического

начала, стремлению решить проблемы собственными силами, даже игнорируя закон (Попович 2006, 239).

Универсальной для представителей английской и украинской лингвокультур является мысль об **определяющей роли силы в толковании закона**: англ. *Might goes before right* (CDEP, 216); *The weakest goes to the wall* (CDEP, 348); *Laws catch flies, but let hornets go free* (CDEP, 186); укр. *Де сила, там і закон* (ЗУПП, 410); *Той, хто силу має, винним не буває* (УПП, 33); а также о **взаимосвязи закона и социального статуса личности**: англ. *One law for the rich, and another for the poor* (CDEP, 185); укр. *Вкрала багачка, а винна біднячка* (УПП, 34); *Великий та багатий – рідко винуватий* (ЗУПП, 55). В поговорках, репрезентирующих подобное утверждение, отражено восприятие законов представителями английской и украинской лингвокультур как норм, которые не могут формировать правомерное поведение членов общества, устанавливают статусные привилегии, культивируют право сильного и порождают осознанное игнорирование ценностей права и беззаконие.

Закону формальному, юридическому, противостоит правда – внутренняя справедливость, ощущаемая и знаемая в душе, совесть (Степанов 1997, 433). Таким образом, закон является внешним по отношению к человеку императивом, а правда – внутренним, нравственным принципом. Как и в германской, в славянской мифологии оппозиция правды и неправды (лжи), наряду с противопоставлениями *правый–левый, небо–земля, огонь–вода*, относится к основным оппозициям, где фигурирует в образах **Правды** и **Кривды**, воплощающих противоположные начала. Отличия между *Правдой* и *Кривдой* символизировались в понятиях *правый–левый* и *прямой–кривой* (укр. *правий* < стсл. *правъ* “прямой; правильный, справедливый”; укр. *лівий* < псл. *lěvъ* “левый, неправый, несправедливый, укр. *злий* < ие. **laiço-* “кривой, искривленный”) (ЕСУМ, 3, 256; 4, 551).

Ценностно-смысловая антитеза “Правда–Кривда” отражена в многочисленных пословицах, в которых сконденсирована мудрость украинского народа. Отношение украинского народа к правде и неправде (кривде) достаточно противоречивое. Украинский этнос фиксирует амбивалентную оценку этих феноменов. С одной стороны, паремии, объединённые концептуальным признаком **‘победа правды над**

неправдой (*Правда і з дна моря виринає, а неправда потопляє* (УПП, 45); *Правдою весь світ зійдеши, а неправдою ані до порога* (УПП, 45); *Маленька правдонька всі неправди переважить* (УПП, 46)), отражают морально-этические идеалы украинского народа, веру в победу правды над неправдой (кривдой), справедливости над беззаконием. С другой стороны, паремии, принадлежащие к когнитивному утверждению **‘господство неправды в мире’** (*Правда в постолах, а кривда в чоботях* (УПП, 46); *Нема в світі правди, правда замирає, а тяжка неправда весь світ пожирає* (УПП, 46); *Я прийшов за своєю кривдою, а вашою правдою* (УПП, 47); *Правда за горами, а кривда за плечима* (УПП, 47)), отражают социальное неравенство в украинском обществе, торжество культа силы, денег, беззаконие, несправедливость.

Понятие *правды* в паремиологическом фонде английского языка соотносится со **страданием и болью**: *A reproach stings because its true* (ODEP, 702); *Truth has a scratched face* (ODEP, 787); *Nothing hurts more (worse) than truth* (ODEP, 587). Англичанам свойственно осмысление онтологической сущности правды, они верят в **идеалы правды и торжество справедливости**: *Truth will conquer, falsehood will kill* (ODEP, 820); *Truth will out* (ODEP, 821); *Truth will come to light* (ODEP, 821); *Truth and oil are ever above* (ODEP, 819).

Проанализировав реализацию концепта *LAW / ЗАКОН* в паремиологическом фонде английского и украинского языков, можно сделать вывод, что в целом большинство пословиц содержат негативную оценку закона и выражают мысль, что законы ущемляют права людей, а игнорирование закона порождает социальную несправедливость, коррупцию, унижение человеческого достоинства. В англосаксонской культуре понятие правды принадлежит вертикали власти. Для англичан правда – нечто реальное, объективное, существующее независимо от человека и не нуждающееся в его защите. Для украинского этноса характерно противопоставление правды, правоты и неправоты, кривды.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что концепт *LAW / ЗАКОН* является культурной константой, основным репрезентантом английской и украинской правовой картины мира. Отличия концептуализации закона представителями английской и украинской лингвокультур заключаются в соотношении закона с установленным

правилом, понимании его как гаранта свободы англосаксонским этносом и в восприятии закона как предела, ограничителя свободы украинским этносом. Неподчинение пределу – основной признак этого концепта, объективированный в украинском языке. Архаической формой отражения правовых понятий является мифология. Базовыми архетипами англосаксонской и украинской правовых культур в контексте смыслового наполнения концепта *LAW* / *ЗАКОН* являются архетипы *порядок, правда, мера, предел, мировое дерево, правый–левый, прямой–кривой*. В праве признаки концепта *LAW* / *ЗАКОН* конкретизируются деонтическими операторами в диспозиции норм, содержащихся в правовых документах; в наивно-языковом сознании они выражаются в абстрактных морально-утилитарных нормах, отраженных в паремиологических единицах, которые свойственны деонтическому кодексу английской и украинской лингвокультур.

Литература

- ASD – Bosworth J. *An Anglo-Saxon Dictionary, Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth* [Электронный ресурс] / [ed. by T. Northcote Toller and Alistair Campbell]. Oxford: Oxford University Press, 1921, 2069 p. Режим доступа: http://lexicon.ff.cuni.cz/png/oe_bosworthtoller/b0616.png.
- Bonser 1963 – Bonser W. *The medical background of Anglo-Saxon England. A Study in History, Psychology and Folklore*. London. Wellcome Historical Medical Library, p. 13–21.
- CDEP – *The concise dictionary of English proverbs* / [compiled by J. Simpson, J. Speake]. Oxford, New York: Oxford University Press, 1996. – 316 p.
- Grimm 1848 – Grimm J. *Geschichte der deutschen Sprache*. Bd. 1–2. Leipzig, 1848.
- King's Code – *King Alfred Law Code* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dr-fnlee.org/docs6/alfred/alfred.pdf>.
- ODEP – *The Oxford Dictionary of English Proverbs*. – [3rd ed.] / [ed. by F. P. Wilson]. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 930 p.
- OED – *Oxford English Dictionary*. Oxford: Oxford University Press [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/law>.
- OnEtDic – *Online etymology dictionary* [Электронный ресурс] / [ed. by D. Harper]. Режим доступа: <http://www.etymonline.com>.
- Pollock 1996 – Pollock F., Maitland W. *The history of English law before the time of Edward I*. Cambridge: CUP, 691 p.
- Wierzbicka 1992 – Wierzbicka A. *Semantics, Culture and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford & New York: Oxford University Press, 487 p.
- Авакова 2006 – Авакова О. В. *Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии*. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 “Германские языки”. Москва, 208 с.

- Алефиренко 2010 – Алефиренко Н. Ф. *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка*. Москва: Флинта: Наука, 288 с.
- Арутюнова 2003 – Арутюнова Н. Д. О движении, заблуждении и восхождении. *Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка*. Москва: Индрик, с. 3–10.
- Бачинин 1999 – Бачинин В. А. *Философия права и преступления*. Харьков: Фолио, 607 с.
- Бычкова 2003 – Бычкова Е. В. *Правовая культура в англосаксонской правовой семье (теоретико-правовое исследование)*. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 “Теория и история права и государства”. Волгоград, 25 с.
- Вендина 2002 – Вендина Т. И. *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. Москва: Индрик, 336 с.
- Воробьев 1997 – Воробьев В. В. *Лингвокультурология (теория и методы)*. Монография. Москва: Изд-во РУДН, 331 с.
- Воркачев 2003 – Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение. *Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки*. Краснодар, т. 17, вып. 2, с. 268–276.
- Гумбольдт 2000 – Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 397 с.
- Данилов 2004 – Данилов К. В. *Репрезентация концептов CRIME и PUNISHMENT в британской и американской юридической терминологии*. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 “Германские языки”. Саратов, 234 с.
- Евсюков 1988 – Евсюков В. В. *Мифы о вселенной*. Новосибирск: Наука, 177 с.
- Евтушок 2004 – Евтушок Ю. Г. *Языковая репрезентация концепта Crime (на материале американского варианта английского языка)*. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 “Германские языки”. Иркутск, 180 с.
- ЕСУМ – *Етимологічний словник української мови*: [у 7 т.]. / [ред.-упоряд. О. С. Мельничук]. К.: Наукова думка, т. 1–5. – 1982–2006.
- Жайворонок 2006 – Жайворонок В. *Знаки української етнокультури: словник-довідник* / [авт.-уклад. В. Жайворонок]. Київ: Довіра, 703 с.
- Земскова 1999 – Земскова И. П. Концептуальное поле порядка. *Логический анализ языка. Языки динамического мира*. Дубна, 1999, с. 321–329.
- ЗУПП – *Збірка українських приказок та прислів'їв* / [уклад. А. Багмет, М. Дашенко, К. Андрущенко]. Київ: Техніка, 2002, 220 с.
- Иванов 1978 – Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права: к анализу нескольких ключевых понятий. *Славянское языкознание: VIII Междунар. съезд славистов (Загреб–Любляна, сент. 1978 г.): [докл. совет. делегации]*. Москва: Наука, с. 221–240.
- Контримович 2004 – Контримович А. А. *Концепт PUNISHMENT в современном английском языке*. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 “Германские языки”. Иркутск, 150 с.
- Кримінальне право України 2005 – *Кримінальне право України: Загальна частина* [Електронний ресурс] / [за ред. проф. М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація]. – Режим доступа: <http://www.ebk.net.ua/Book/KPravo/index.htm>.
- Кузнецова 2004 – Кузнецова Н. Ю. *Когнитивное пространство «право» в паремииологии немецкого и русского языков*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20

- “Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание”. Челябинск, 23 с.
- Левчук-Хмара 2012 – Левчук-Хмара М. Образ і поняття закону в давньогрецькій культурній традиції. *Наукові записки [Національного університету “Острозька академія”]. Сер.: Філософія*. Вип. 11, с. 91–101.
- Лихачев 1997 – Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. *Русская словесность: Антология* / Под. ред. Нерознака В. П. Москва: Academia, с. 280–287.
- Манойло 2008 – Манойло Н. Г. *Світоглядно-мотиваційна визначеність правосвідомості: соціально-філософський дискурс*. Автореф. дис. ... канд. філософ. наук: 09.00.03 “Соціальна філософія та філософія історії”. Запоріжжя, 16 с.
- Маслова 2001 – Маслова В. А. *Лингвокультурология*. Москва: Академия, 208 с.
- Межжеріна 2006 – Межжеріна Г. В. *Мовна картина світу часів Київської Русі (на матеріалі писемних пам'яток XI–XIII ст.)*. Автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.01 “Українська мова”. Київ, 36 с.
- Мокиенко 2010 – Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты). *Мир русского слова*. № 3, с. 6–20.
- Москаленко 1993 – Москаленко М. Н. *Українські замовляння*. Київ: Дніпро, 307 с.
- Мюллер 1992 – Мюллер В. К. *Англо-русский словарь*: 53 000 слов. Москва: Русский язык, 848 с.
- Нерсесянц 1983 – Нерсесянц В. С. *Право и закон. Из истории правовых учений*. Москва: Наука, 366 с.
- Палашевская 2001 – Палашевская И. В. *Концепт ЗАКОН в английской и русской лингвокультурах*. Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.20 “Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание”. Волгоград, 196 с.
- Пермяков 1988 – Пермяков Г. Л. *Основы структурной паремиологии*. Москва: Наука, 236 с.
- Попова 2012 – Попова Е. П. Специфика перевода юридических терминов в текстах на древне- и среднеанглийском языке. *Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика»*. № 1, с. 126–135.
- Попович 2006 – Попович М. В. Українська національна ментальність. *Проблеми теорії ментальності* / [кол. авт.; відп. ред. М. В. Попович]. Київ: Наукова думка, с. 232–270.
- Преображенский 1958 – Преображенский А. Г. *Этимологический словарь русского языка*. М.: ГИИНС, 1284 с.
- Проскурин 1990 – Проскурин С. Г. О значениях “правый–левый” в свете древнегерманской лингвокультурной традиции. *Вопросы языкознания*. Вып. № 5, с. 37–49.
- Руська правда – *Руська правда* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litorus.org.ua/yushkov/yu.htm>.
- Савенкова 2002 – Савенкова Л. Б. *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов н/Д: Ростовский государственный университет, 240 с.
- СИСТ – Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва: Прогресс Универс, 1995, 456 с.
- Смирнова 2009 – Смирнова О. М. *Концепт наказание: лексическая объективация в русском языке и смысловой объем в национальном сознании*. Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 “Русский язык”. Нижний Новгород, 220 с.

- СС – *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI веков) / [под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благова]. Москва: Русский язык, 1999, 842 с.
- Степанов 1997 – Степанов Ю. С. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: Школа “Языки русской культуры”, 824 с.
- СУМ – *Словник української мови в 11 т.* Ред. коллег. І. К. Білодід (голова) та ін. Київ: Наукова думка, т. 3, с. 154.
- Телия 1996 – Телия В. Н. *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры, 288 с.
- Толстая 2000 – Толстая С. М. Грех в свете славянской мифологии. *Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции*. Москва: Пробел-2000, с. 9–43.
- Топорова 1995 – Топорова Т. В. Древнегерманские представления о праве и правде. *Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке*. Москва: Наука, с. 52–55.
- Тюрин 2008 – Тюрин М. Г. *Архетипы национальной правовой культуры*. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 “Теория и история права и государства; история правовых учений”. Ростов н/Д, 30 с.
- УПП – *Українські прислів'я та приказки* / [упоряд. С. В. Мишанича, М. М. Пазяка]. Київ: Дніпро, 1984, 390 с.
- Чмир 2005 – Чмир О. Р. *Лексика права у старослов'янській та давньоруській мовах: семантична мотивованість, шляхи концептуалізації*. Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.03 “Слов'янські мови”. Київ, 179 с.
- Цейтлин 1978 – Цейтлин Р. М. О значении старославянских слов с корнем “-прав”. *Этимология*. 1978, № 5, с. 59–64.
- Шайкевич 1959 – Шайкевич А. Я. Слова со значением правый и левый (Опыт сопоставительного анализа). *Ученые записки 16го Московского государственного педагогического института иностранных языков*. Т. XXIII. Москва, с. 55–74.
- Якушкина 2002 – Якушкина Е. И. Оппозиции “прямой–кривой” и “прямой–обратный” и их культурные коннотации. *Признаковое пространство культуры [сб. статей]*. Москва: Изд-во Индрик, с. 163–183.
- Янушкевич 2009 – Янушкевич И. Ф. *Лингвосемиотика англосаксонской культуры*. Волгоград: Науч. изд-во, 488 с.

Valentyna Snitsar

THE CONCEPT LAW IN THE ENGLISH AND UKRAINIAN LINGUOCULTURES

Summary

The article focuses on the study of the concept *LAW* in the English and Ukrainian linguocultures. Law is defined as a system of rules that are created and enforced through social or governmental institutions to regulate behavior. The law is the part of the divine order, the element of the

universe; its roots date back to the ancient history. The verbal representation of the concept LAW has been analyzed from a diachronic perspective.

Modern concepts of law, justice and judgement are drawn from mythological underpinnings. The understanding of the universe as a hierarchical order is reflected in mythological conceptions. Ancient Greek mythology put forth this idea in the conception of Cosmos as being opposite to Chaos. Mythological Cosmos is a Cosmos of Order and Hierarchy, a “lawful” Cosmos. Irrational Chaos is contrasted with an ordered Cosmos. The notion of order is expressed by the words derived from PIE root **dhe-* “to set, place, put, do” (Sanskrit *dhaman-* “law”, Greek *themis* “law”, Old-Saxon *dom*, Old High German *tuom*, Gothic *doms* “judgment, decree”, Lithuanian *dome* “attention”). The English word *law* descended from Proto-Germanic **lagam* “put, lay”, which is analogous to PIE root **legh-* “to set, place, do”. This meaning refers not to human but divinely established norms of behaviour. The Germanic root represented by Old English *x* appears to have meant “custom, law”, “law of nature or God’s law” and is opposed conceptually to *dom*, a trace of whose meaning “judgement” survives in Modern English *doomsday*.

The Ukrainian word *закон* is linked to the conceptions of confined space. It derives from the Proto-Slavic root **kon-* “end, beginning, border, boundary”. The meaning of derivatives of **kon* is associated with the ancient rituals of spatial orientation, for example, walking around the perimeter of an area marked off with definite borders. The line that marked the limits of an area served as a boundary between a surrounding chaotic and profane world and an orderly world. In ancient times, transcending the marked border was equal to disturbing the peace of a community. Banishment was an effective punishment for the committed crime because it contemplated that offenders leaving a settled community would necessarily wander in the wilderness, shamed by their loved ones and unwelcome in other settlements. Thus, the primordial image of border as an archaic pattern of law making constitutes the structure of collective unconscious of the early Slavs.

The collective unconscious of the early Germans and the early Slavs is expressed through common archetypes primarily associated with the concept of law: “truth”, “order”, “measure”, binary oppositions “right – left”, “straight – crooked”. The archetype of world tree affects the development

of legal thinking of the Anglo-Saxons. The archetype of border is embedded within the collective unconscious of the early Slavs and is linked to the concept of law making.

The phenomenon of law is an integral part of a nation's culture, the result of historical evolution. Since proverbial language reflects the attitudes or worldview (mentality) of different ethnoses, the perception of law and law-related phenomena by the representatives of the English and Ukrainian linguocultures is mirrored in proverbs of the contrasted languages. The analysis of paroemia representation of these phenomena in the contrasted languages brings to light the universal perception of laws by the English and Ukrainian ethnoses as an unfair set of rules contributing to social inequality and jeopardizing human rights.